

ГАЛИНА САГАНЕНКО И ВАЛЕРИЙ ГОЛОФАСТ: ГАРВАРДСКОЕ ИНТЕРВЬЮ¹

Дмитрий Шалин, Ph.D, профессор кафедры социологии
Университета Невады (Лас-Вегас);
директор Центра демократической культуры

*At any moment now, we shall spit forth this life of ours.
In the meantime, while we still draw breath, while we
still remain among human beings, let us cultivate our
humanity. Let us not bring fear or danger upon anyone. Let
us look down on damages and wrongs, insults and carping
criticisms. Let us bear with greatness of mind our short-
lived troubles. As they say, we have only to look back, only
to turn around — quick now, here comes death!*

Seneca

С Галей Саганенко я познакомился на третьем курсе ЛГУ, когда начал посещать семинар по ценностным ориентациям в ленинградском отделении Института конкретных социальных исследований. Семинаром сначала руководил Игорь Кон, а после его переезда в Москву, Владимир Ядов. В секторе Ядова мы с Галей проработали вместе несколько лет, она как штатный сотрудник, я как студент, аспирант, затем м.н.с.

Не помню точно, когда я впервые столкнулся с Валерием Голофастом. Пожалуй, не раньше моего поступления в аспирантуру в 1970-ом году. Мой научный руководитель Игорь Семенович Кон попросил меня прокомментировать статью Валерия о ролевом анализе. Там был раздел о Джордже Миде, по которому я писал диплом в университете. Статья была весьма любопытная, о чем я сказал Валерию, но с чем-то я был не согласен, и поведал об этом ему. Валерий с живейшим интересом и без каких-либо комплексов откликнулся на мои комментарии, поблагодарил за критику, предложил держать связь. Таким я и запомнил его — серьезным, доброжелательным, интеллигентным человеком, для которого диалог был не средством самоутверждения, а возможностью делиться знаниями и мыслить сообща.

Валерий защитил кандидатскую диссертацию в 72-ом, я — в 73-ем, Галя — в 74-ом году. Через полтора года после моей защиты я эмигрировал в С.Ш.А. Уезжал с мыслью, что вряд ли опять увижу своих коллег, но судьба распорядилась по-другому. Началась перестройка, а с нею возможность беспрепятственно ездить за границу. В апреле 1990-го года Галина и Валерий приехали в Гарвардский университет по приглашению Русского центра. Я был там же в годичном творческом отпуске. Мои коллеги согласились дать мне интервью по проблеме интеллигенции, занимавшей меня в те годы. Разговор временами выходил за рамки интервью, превращался в диалог, где каждой стороне было что сказать и о чем вспомнить. Хрущевская оттепель, чистки в ИСЭПе, политический конформизм, вопрос об эмиграции, перестроечные надежды, проблемы академической науки в пореформенной России — таковы главные темы разговора в Гарварде. Предлагаемое читателям «Телескопа» интервью это важный документ ушедшей эпохи. Он интересен еще и потому, что отражает образ мыслей безвременно ушедшего из жизни Валерия Голофаста. В своем очерке я коснусь лишь нескольких вопросов, затронутых в бостонском разговоре, в первую очередь проблемы морального выбора в условиях несвободы, а также соотношения стиля человека и ученого.

* * * *

¹ Я признателен Андрею Алексееву и Борису Докторову за комментарии и советы по первоначальному варианту этих заметок.

Значительная часть гарвардского интервью посвящена персональному делу, заведенному в 1984-ом году в связи с подготовкой к публикации книги «Семья в крупном городе», ответственным редактором которой был Валерий Голофаст. К моменту гарвардского интервью детали дела Голофаста мне были не известны (соответствующие документы были опубликованы в 2002-ом году²). Когда я познакомился с этими материалами, мне стала ясна позиция Валерия и тот диалог с самим собой, который он явно вел на протяжении многих лет и который неявно присутствовал в нашем разговоре.

Трудно сказать, почему именно эта книга вызвала недовольство центральной редакции издательства «Наука». На редакционной коллегии отмечалось, что в книге «без каких-либо объяснений проводятся параллели между исследованиями по СССР и по капиталистическим странам», но вряд ли дело было в этом. Рукопись успешно прошла рецензирование, и никто из официальных рецензентов в ней крамолы не узрел. Были какие-то данные, указывавшие на несовершенство советской системы, но как Валерий резонно отвечал критикам, «анализ тенденций развития семьи в крупных городах, направленный на объективную оценку завоеваний социализма в этой области, не может сегодня обойти молчанием и определенных тревожных моментов в функционировании семьи и демографических процессов. Такой подход общепризнан сегодня в отношении семьи в партийной и научной печати. К реалистическому взгляду на противоречия социального развития направлена вся политика КПСС».³ Скорей всего партийное начальство решило подкрутить гайки в ИСЭПе, откуда недавно были изгнаны Ядов и Фирсов, и использовало коллективную монографию как повод. Аналогичная ситуация была с делом Левады, чьи «Лекции по социологии» послужили в 1969 году предлогом для атаки на академика А. М. Румянцева и Институт конкретных исследований АН СССР.⁴ Траектория обсуждений и последующих решений в обоих случаях сходная.

Поначалу Валерий держит оборону, делая лишь тактические уступки: «Я имею право высказывать свое мнение до принятия решения... Как мне приходилось отмечать в ответе на замечания Центральной редакции, часть из них (замечаний) носит бездоказательный, необъективный характер, отдельные места и выражения оцени-

² Божков О., Протасенко Т. Гляжу в себя как в зеркало эпохи. Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 2-13. Здесь и далее материалы дела Голофаста цитируются по электронной версии, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/golofast.html>. Важные материалы и комментарии по делу Голофаста можно найти у Андрея Алексеева. См. Алексеев, А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Норма: Санкт-Петербург, 2003, т. 2, раздел 9.7, с. 238-254; 2005, т. 3, раздел 14.8, с. 339-349. Книга по социологии семьи не была издана в советское время, но материалы, подготовленные Валерием в середине 1980-х, вошли в посмертно изданный сборник его работ. См. Голофаст. В. Социология семьи. Статьи разных лет. Под ред. О.Б. Божкова. СПб: Алетейя, 2006.

³ Божков О. и Протасенко Т. Гляжу в себя как в зеркало эпохи.

⁴ См. Российская социология шестидесяти лет в воспоминаниях и документах // Отв. Ред. И авт. Предисл. Г.С. Батыгин; Ред. -сост. С.Ф. Ярмолюк. — СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999». Материалы по делу Левады можно найти на сайте «Международная Биографическая Инициатива» (МБИ), <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Documents/levada.html>.

ваются в отрыве от контекста всей книги. Парыгин Б.Д. и Лобанов Н.А. пытались запутать обсуждение. Я реагировал правильно на замечания Горлита... Спорные моменты, вполне естественные в научном исследовании, и недостатки, как единодушно отмечают все рецензенты, носят частный, не принципиальный характер... Я убежден, что не существует принципиальных препятствий для устранения этих недоразумений между нами, что работа над книгой может быть в конце концов успешно завершена». Однако наезд продолжался, нападки усиливались. Комиссия партбюро института во главе с Д. Парыгиным отмечает в своей докладной записке, что «В.Б. Голофаст фактически игнорировал принципиальные замечания как редакции Ленинградского отделения, так и Главной редакции издательства «Наука», касающиеся ряда идейно-теоретических положений рукописи: наличие параллелизма в исследовании семьи в СССР и капиталистических странах (стр. 106-110), слабое разграничение процессов, происходящих в семьях крупных городов социалистического и капиталистического общества (Введение; 10 глава) и др.». Вскоре после заключения комиссии, в ИСЭПе состоялось партсоборание, на котором выступавшие критикуют ответственного редактора книги за безответственность. Кто-то делает это с большим рвением, кто-то с меньшим, а кто-то ищет возможность смягчить наказание.

Согласно протоколу заседания от 5 декабря 1984 года, В. Махалов заявил, что «Голофасту надо было более взвешенно подходить к формулировкам. Я — за выговор с занесением». По мнению Н. Лобанова, «Голофаст выступал несомакритично. Замечания ему были высказаны еще год назад. Замечания «по идеологии» этой книги. Голофаст этого не понял и пытался любыми путями издать книгу... Я согласен с решением партбюро». В. Костюшев видит в коллективной монографии «серьезное достижение отечественной социологии семьи», но при этом признает, что «в книге есть отдельные идеологические просчеты, которые не были устранены «по вине редактора», и считает «правильным и очень строгим наказанием — выговор с занесением в учетную карточку». Т. Протасенко занимает более независимую позицию. Она возражает против «огульных формулировок», прозвучавших в ходе обсуждения редакторской работы Голофаста, указывает, что «к его объяснениям не прислушались», и призывает «правильно оценивать его вину». «Мое резюме: учитывая, что, наказывая мы должны и воспитывать, учитывая, что Голофаст продолжительное время и весьма успешно занимался партийной работой (как секретарь партбюро отдела, как заместитель секретаря партбюро института, председатель народного контроля института), учитывая, что мы впервые рассматриваем его персональное дело, а также, учитывая все вышесказанное мною, я считаю, что нужно изменить формулировку взыскания и что достаточно будет наказание в виде вынесения ему выговора без занесения в учетную карточку». С этим мнением соглашается И. Травин: «Мы обязаны принять во внимание все факты и обстоятельства, в том числе и то, что Голофаст до настоящего времени не имел партийных взысканий, а коммунисты неоднократно оказывали ему доверие, избирая в состав партбюро института. Вынесение строгого выговора с занесением в учетную карточку ставит человека сразу же на порог исключения из партии. Заслуживает ли В.Б. Голофаст такой меры взыскания? Я считаю, что нет. Принимая во внимание все обстоятельства, я хочу поддержать предложение Т.З. Протасенко и ограничиться вынесением В.Б. Голофасту выговора».

В итоге партсоборание постановляет: «За отдельные идеологические просчеты, допущенные Голофастом В.Б. при редактировании им в качестве ответственного редактора рукописи книги «Семья в крупном городе», недостаточную ответственность и принципиальность при ее редакционной доработке, несомакритичное поведение при

рассмотрении существа дела, учитывая отсутствие партийных взысканий в прошлом — объявить коммунисту Голофасту В.Б. выговор с занесением в учетную карточку.»

6 февраля 1985 года Валерий подает заявление в партийную комиссию Дзержинского райкома КПСС: «Мои промахи и недостатки, проявившиеся в ходе работы и партийного рассмотрения дела, я рассматриваю как серьезный жизненный урок, из которого я сделаю все необходимые выводы с тем, чтобы впредь не допускать их. За грубое нарушение исполнительской дисциплины я был справедливо наказан по административной линии. Конечно, большим наказанием для меня служит и сам факт невыхода книги, что является ударом по моей служебной репутации и в чем моя собственная вина несомненна... Я буду считать справедливой любую меру партийного взыскания, которую партийная комиссия сочтет необходимой применить ко мне, если это возможно, без занесения в учетную карточку».

Замечу, что последние формулировки мало чем отличаются от тех, с которыми вынужден был согласиться Левада в ходе обсуждения «Лекций», когда он признал свою «безответственность», «отсутствие связей с мировоззренческими установками», «партийную и политическую сторону тех ошибок, которые я допустил», и личную ответственность «как коммуниста и секретаря партбюро за выпуск недоброкачественной работы». ⁵ Как и показательный суд, партийная проработка достигает своей цели, когда обвиняемый выказывает готовность идеологически разоружиться перед партией и публично покаяться в своих ошибках. «Лицо» человека, если мы говорим о лице как социологической категории в смысле Ирвинга Гофмана, это средство производства объективной социальной реальности, и монополия на него — на публичное лицедейство — должна принадлежать общенародному государству. Другой вопрос насколько чистосердечно такое покаяние и насколько разумно оно в репрессивных условиях того времени. По мнению Левады, «некоторый формальный конформизм является необходимым для человека, который не согласен с обществом, и, тем не менее, вынужден в нем жить и работать. Иначе он не сможет и свои задачи и свои идеалы реализовать». ⁶ Вопрос о разумности формального конформизма и пределах морального компромисса станет центральным в гарвардском интервью.

* * *

Позиции Голофаста и Саганенко по стратегии выживания в советских условиях расходятся. Оба отмечают, что потеряли веру в коммунизм и партийные принципы задолго до перестройки. В годы «оттепели» у Саганенко еще были иллюзии насчет коммунистического будущего: «Я верила... помню, что верила. Ну, тогда я была совершенно молодой, тогда появился Хрущев... Тогда было больше — нет, не эйфории, но ожидания, веры в то, что все действительно изменится, что чуть ли не коммунизм [наступит], или, по крайней мере, мы будем людьми нормальными». Галина вера исчезала постепенно по мере того как участились наезды на социологию и кадровые чистки, сначала в ИКСИ, затем в ИСЭПе. «Начались жуткие шаманские игры большого начальства», вспоминает Галина. «Я эти ритуальные игры наблюдала в нашем институте, когда раздевали Валерия, раздевали Ядова... Я перестрадала тогда, своей кожей почувствовала ситуацию в нашем институте... У меня всегда Ядов [перед глазами]. Я видела, как он начинает замыкаться, замыкаться, замыкаться... Я знала, что у нас

5 Российская социология шестидесятых годов, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Documents/levada.html>. См. Д. Шалин. Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой. «Социологический журнал», 2008, №1.

6 Левада Ю. Материалы встречи социологов. Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация. Кярику — 1967». Тарту 1968, с. 29-30.

большой потенциал эмпирический, что столько проблем вот, почему мы на них не выходим? Почему мы не можем исследовать, ну, не знаю, проблемы города?».

У Валерия отход от марксистско-ленинской ортодоксии начался еще раньше: «Что касается меня, то я обозначился давно, я бы сказал, во времена смерти Сталина. Я был достаточно молодым человеком... Полная утрата иллюзий [произошла] где-то в середине правления Хрущева, потому что стало ясно, что все предложения фальшивые, абсолютно [все]. И никакой надежды, что они когда-то будут реализованы. Для меня это было ясно уже тогда, задолго до моего поступления в университет».⁷

Когда стала очевидной нелепость коммунистической пропаганды и бессмысленность разговоров о светлом будущем, встал вопрос об участии в политическом церемониале, о вступлении в партию, о двоемыслии, неизбежном в социальных науках, где сохранение карьеры требовало компромиссов. Не то чтобы вопрос этот ставился ребром; каждый находил для себя практическое решение; рационализации, как правило, приходили позже.

Для Валерия раздвоенность бытия в советских условиях была онтологической данностью, условием существования, с которым приходится считаться, чтобы сохранить себя как человека и ученого. И дело тут не в позиции индивида как морального субъекта, ориентированного на универсальные ценности. «Очень тяжело рассуждать так, как будто бы существует некий единый гуманистический идеал, некая единая шкала порядочности поведения или некий единый моральный горизонт, который определяет поведение всех. Это не верно, это не вполне верно». У советского человека «не было морального выбора, у него не было моральной автономии». Человек этот принадлежал системе и должен был играть по ее правилам: «Люди, которые так или иначе принимают правила игры социальной системы, вынуждены конформировать достаточно глубоко, вплоть до своего глубинного двойного, тройного сознания». Членство в партии с данной точки зрения было разумной формальностью, поскольку оно давало возможность вести академический образ жизни и сохранять внутреннюю свободу. «Я научился спокойно переносить эту двойственность и особой проблемы не испытывал... Каждому из нас приходилось более-менее ловко вести себя в таких общественных политических ситуациях. Почему? Потому что я знал, что существует другая жизнь, существует более широкий мир. Я довольно хорошо знал другие языки... Для меня это не было проблемой, даже в моей семье не было особой проблемой». Тем не менее, за моральные компромиссы приходилось платить эмоциональными перегрузками: «Основное, что характерно для тоталитарного общества, которое существовало и до сих пор существует во многих формах в нашей стране, это то, что индивид не признается моральной инстанцией, что отобрано у него право быть собственным судьей. Даже внутренне человека лишают [этого права], и многие поддаются. Те, кто пытается уйти во внутреннюю изоляцию, вести себя пассивно, не причинять вреда и так далее, — даже эти люди испытывают огромные трудности в регуляции собственного поведения».⁸

⁷ «Валера утверждал, — еще в начале 70-х, — что Маркс неправ, я же — как студент философского факультета КГУ, не мог тогда думать иначе, хотя увлекался экзистенциализмом. Но он видел дальше», вспоминает друг Валерия, М. Бузский (см. его воспоминания в этом номере «Телескопа»).

⁸ Русская интеллигенция платила и платит высокую цену за сохранение внутренней свободы в условиях внешней несвободы. См. Shalin, D.N. «Intellectual Culture» // *Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of Postcommunist Consciousness* / Ed. by D.N. Shalin. Boulder: Westview Press, 1996. P. 41–98, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/nca/shalin_ic.pdf; Shalin, D.N. «Сказкобыль: Заметки о рецессивных генах русской культуры». «Звезда» 1995, No. 6, с. 192–198, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/nca/shalin_skaz.pdf.

Галина находит стратегию раздвоения в ответ на репрессии проблематичной. Членство в партии, по ее мнению, обявляет человека принимать участие в «ритуальных играх», сужающих поле внешней и внутренней свободы: «Когда кому-то нечего было терять, тот и вел себя более независимо. Вот мы беспартийные с Божковым, к примеру, нас уже прихватить на эти крючки, на которые прихватывали этих партийных, [сложнее]. У них же был колоссальный крючок — членство в партии. Там уже начинают мордовать, это монстр такой создан — членство в партии... Без этого, с одной стороны, никуда не пропускают, а с другой стороны, это такой крючок сумасшедший. Но вот когда нечего терять, то проще». Галия приводит пример того, как в условиях несвободы можно было игнорировать идеологические условия: «Я опубликовала две книги, и ни в одной книге — ни в первом абзаце, ни во введении — не сослалась ни на один съезд, не сослалась ни на одного Ленина. Это была ритуальная игра, которую на всякий случай все делали. Оказывается, не очень-то это требовалось». Галия не стесняется высказывать свое мнение о коллегах, которые уклонялись от борьбы: «Меня возмущали окружающие меня мужчины, да извинит меня Валерий. Они провалили эту ситуацию полностью — Ядов, Фирсов, Голофафт. Меня это возмущало... они не боролись, все хотели выстоять в одиночку. Особенно это было показательно на [примере] Фирсова. Каждый считал, что у него есть собственные козыри. Особенно это было видно, когда съедали Ядова в нашем институте. А Фирсов — он считал, что у него есть козыри в обкоме, он там для них делал исследование». И когда представилась возможность действовать сообща, Галия не преминула ею воспользоваться. Дать бой с открытым забралом стало возможным с началом перестройки.

* * * *

С приходом Горбачева меняется политический климат в стране. Люди, обреченные на молчание в эпоху застоя, обретают голос. Зазор между лицом и маской уже не так велик. Лицемерие уступает место лицедейству там, где политическое инаколичие перестает преследоваться законом. Государство ослабляет контроль над производством прибавочного смысла, и по мере того как в условиях гласности расширяется сфера критики, появляется реальная возможность коллективных действий.

По воспоминаниям Гали Саганенко, ощущение кризиса в стране возникло еще до перестройки: «В нашем обществе созрело такое ощущение, что дальше невозможно, — я думаю, в 80-х годах. Все тогда говорили: «Ну, дальше некуда, дальше некуда». Восемидесятый, восемьдесят первый там». Интересно проверить, насколько распространенным было это чувство. Не исключено, что это ретроспективная иллюзия. Дело Голофафта закончилось за два месяца до Апрельского пленума 1985-го года, избравшего Горбачева на пост генерального секретаря КПСС. Вряд ли многие тогда предчувствовали перемены, а если и предчувствовали, то скорее к худшему.⁹ Заметные коллективные выступления начались через год после прихода к власти Горбачева, когда появились знаки того, что перестройка и гласность не разделят участь многочисленных реформ прошлых лет. «Мы в 86-м году нача-

⁹ С другой стороны следует отметить, что уже в 3-ем номере «Социологических исследований» за 1985-ый год появляется статья Божкова и Голофафта о проблемах жизни в крупных городах, где авторы критикуют «отставание системы оплаты труда от требований времени», «высокую неудовлетворенность технологическим и социальным обеспечением труда и участием в производственном управлении», «нарушение демографического воспроизводства», «социальные проблемы семьи и здоровья в крупных городах». Божков, О.Б. и Голофафт, В.Б. Оценка населением условий жизни в крупных городах // Социологические исследования, 1985, No. с. 101.

ли большую войну в нашем институте. Директор пытался всех раскидать поштучно, у них все было то же самое. И в принципе он бы все это смог проиграть, если б не появилось несколько новых элементов, которые мы вытанцевали. Во-первых, мы объединились, во-вторых, мы стали явно выступать... Мы, беспартийные, пришли на открытое собрание и дали бой».

Как и Галина, Валерий живо откликается на перемены: «Ну, мы-то были среди самых первых активистов, понимали, что движение стремительное, важное, что если мы не будем участвовать, то... Ну, шансы на коллективную поддержку здесь, конечно, резко возросли. Намного проще было все делать. Если говорить о моральной стороне вопроса... о героических формах морального поведения, то они, хотя и существовали, всегда были редки, спорадичны. А здесь начались более или менее групповые акции, и когда есть групповое движение, многое делать легче».

Галина и Валерий с увлечением включаются в перестроечные реформы, присоединяются к политическим движениям, популярным в среде творческой интеллигенции. Но их энтузиазм длится недолго. Причин тому много. Это и разочарование в бесконечных разговорах («у нас произошла революция слов», «проблема не в том, что чего-то нельзя сказать, [а] в том, что не видишь смысла в этом уже»); и недовольство темпами реформ («изменений особых нет», «все стоит на месте»); и сомнения в лидерах («возрастает недовольство теми силами, которые провозгласили, что они способны изменить ситуацию, а ситуация не меняется»); и опасения по поводу экстремизма («поляризация политических позиций продолжается, возрастает число людей, которые придерживаются радикальных экстремистских... взглядов»); и озабоченность ростом преступности («каждый день начинаем с перечисления убийств и преступлений», «день начинается и кончается преступностью»); и неуверенность в будущем академических институтов («Я много работала в социологии, столько потратила сил, не шла проторенными путями... написала две книги.¹⁰ Еще имею идеи на две здоровых книги. Но сил уже нет писать, потому что никакого смысла нет. Пятнадцать лет я старший научный сотрудник, триста рублей». Важная составляющая неудовлетворенности эпохи поздней перестройки это нестыковка ориентаций на политическую активность и научную деятельность. Вот как высказывает эту мысль Галина Саганенко:

«Должны мы влезать по уши в политику или у нас есть своя роль в этом обществе? И я выступаю с позиции, что каждый должен делать свое дело. Наша функция — одна из функций социологии: просто повышать интеллектуальный потенциал в обществе и как-то участвовать в процессах развития социологического мышления, а не бегать и вступать во все эти политические клубы. Конечно, есть люди, которым эта деятельность нравится и подходит, и ради бога. Когда меня обвиняет тот же Кесельман, что я отошла от этих дел и... в эти игры не играю, то я как-то ежилась, вроде, я не права. А теперь, наконец, я поняла, что у меня совершенно другая роль... не тот склад. У каждой социальной группы свои обязанности в обществе. Не всем нужно бежать и играть в политические игры... у меня сложилось так, что для меня важнее данные... я знаю, что их никто не может сделать. Только я могу провести эту адскую работу бесплатно... и на хорошем уровне. И у меня эта задача совпадает с гражданским потенциалом, я тут проявляюсь, я пытаюсь прояснить ситуацию в обществе, чтобы люди могли ориентироваться».

10 Саганенко, Г.И. Социологическая информация. Ленинград: Наука, 1979; Методологические проблемы оценки надежности сдвигов при повторных исследованиях (по материалам сравнительных исследований отношения к труду 1962 и 1976 гг.), 1982.

Перестройка явно буксует, неуверенность в завтрашнем дне нарастает, и в этих условиях у Галины появляются мысли об эмиграции: «Некоторая часть русских людей после революции все еще держалась за свои места, за свои родные места [и не хотела уезжать]. Им казалось, это все мое, я останусь... а потом оказалось, что они остались здесь навсегда и оказались во всей этой мясорубке. Те, кто решительно все бросил, остались живы и спаслись. У меня теперь чуть ли не такое ощущение возникает».

У Валерия мысли об эмиграции никогда не было: «А для меня все просто — я принадлежу к слою людей, для которых никогда не стоял вопрос эмиграции. У меня никогда не было такой идеи и нет такой идеи. Я бы с удовольствием пожил на Западе в разных странах, год, два, три, может быть, но я бы ни за что не хотел жить на Западе. Я в этом абсолютно убежден. Что мне нужно, это свобода, поездки, мне нужна интеллектуальная свобода внутри и вовне, чтоб я мог общаться, чтоб я мог публиковаться. Вот эти вещи мне нужны, и они до сих пор очень сложны». Но и Валерий разочаровывается в перестроечных реформах и ищет возможности реализоваться в других сферах.

На закате перестройки и в постперестроечные годы Галина и Валерий отходят от прямой политической деятельности, отдаются профессиональной работе, погружаются в личную жизнь. В 1992 году Галина защищает докторскую диссертацию, в 96-ом становится профессором, читает курсы лекций в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств. В это же время выходят ее книги по качественно-количественному анализу в социологии.¹¹ Предмет ее гордости дочка, у которой рано выявились способности: «Ей семь лет. В шахматы мы научились играть за шесть часов. В этот же день разобрали кучу шахматных партий, чего я никогда не могла сделать с сыном. И я этим горжусь... у нее огромный запас возможностей, здоровья, интеллекта. Я вижу, что я не могу [здесь] его реализовать». Валерий уделяет много внимания Биографическому фонду, инициатором которого он становится в 1989 году. Он занимается с аспирантами, пишет новаторские работы по биографическому методу, экспериментирует в жанре эссе, проводит время с детьми и внучкой.

Оглядываясь на жизненный путь этих двух незаурядных людей, задаешься вопросом, в какой мере он предопределен эпохой и в какой выражает неповторимую индивидуальность, личный стиль человека. Последняя часть моих заметок посвящена этому вопросу.

* * * *

Борис Докторов проводит важное различие между биографией и судьбой: «Для меня биография — это совокупность всех действий и мыслей человека, происходящих на годы его жизни. Дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой он работал, не в силах изменить траекторию его жизни и окружающее его социокультурное пространство, ибо все это уже произошло, состоялось, ушло. Но будущее придает прожитой человеком жизни новый смысл, и, значит, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), ведет его по жизни (собственно биография) и что связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба — теоретически бесконечна, точнее сказать — судьба обычно дольше, продолжительнее жиз-

11 Сганенко, Г.И. Компьютерная система "ДИСКАНТ": концептуальное обоснование качественно-количественного анализа массивов с текстами, 1995 (в соавторстве); Саганенко Г.И. Обоснование качественного исследования на базе открытых исследований. Ольборг: Университет Ольборга (Дания), 1997.

ни»¹². Судьба так или иначе связана с эпохой, а как замечает в своей автобиографии Игорь Кон, — «эпоху не выбирают».¹³ Биография менее исторична, поскольку отражает классовые, семейные, гендерные, возрастные, и отчасти установочные характеристики, которые человек разделяет с более узким кругом людей своей эпохи. Выбор людей при сходных обстоятельствах не однозначен, хотя какие-то предпочтения в данных исторических условиях встречаются чаще других. Но тут есть и еще более индивидуализированный детерминант жизненного пути, связанная с уникальным бытием конкретного человека, с его неповторимостью. Впрочем, и здесь существуют параллели — не только (а может быть, и не столько) с современниками, сколько с предшественниками.

В ключевой статье «Три слоя биографического повествования» Валерий Голофаст выделяет особое — третье — измерение человеческого существования: «Это тайная, скрытая сторона жизни, ее загадка, судьба, малопонятное или безнадежно непонятное, пугающее, неожиданные совпадения, провалы. Естественно было бы связать эту сторону с многообразием форм социального контроля: табу на вербализацию секса, болезни, смерти, помешательства, на этническое, социальное, физическое неравенство или страдания и унижения, на стыд и срам, на стигматизацию и насилие, вообще на проявление моральных крайностей».¹⁴ Третье измерение жизненного пути личности столь же существенно, сколько и труднодоступно для изучения. Какую профессиональную стезю человек предпочтет, как поведет себя в кризисной ситуации, что сможет выразить через заданные временем медийные формы, как воплотит творческий потенциал эпохи, насколько неизгладимым будет его след в (со)бытийном мире общества — все это в значительной мере зависит от уникального сочетания соматических, эмоциональных, духовных и поведенческих характеристик конкретного человека. Наряду с «судьбой» и «биографией» в этом отношении имеет смысл выделить еще и «стиль» человека, личную герменевтику, его воплощенную индивидуальность, которой занимается социология воплощения.¹⁵

Мы знаем больше сегодня о Голофасте, чем о Саганенко, поскольку его биография закончилась, есть мемуары, часть которых публикуется в этом номере «Телескопа». Но судя по гарвардскому интервью и автобиографической записке Галины Саганенко, уже сейчас можно обозначить стилистические различия между двумя учеными, особую энтелехию их социокультурного воплощения.

12 Докторов Б. Юрий Левада. К изучению биографии и судьбы // Социологический журнал. 2008, No. 2.

13 Кон И. Эпоху не выбирают. Автобиографические заметки. «Интернациональная биографическая инициатива», <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/kon.html>.

14 Голофаст В. Три слоя биографического повествования. «Интернациональная биографическая инициатива», <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/kon.html>. Это суждение касается самого Валерия. Оно, по-видимому, автобиографично. Нельзя полностью оценить смысл теоретического корпуса философа без проникновения в «тайну» его биографического корпуса. Но проникновение в эту составляющую биографии Валерия — задача отдельного исследования.

15 Shalin D.N. «Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics.» *Sociological Theory*, 2007, vol. 25:193-224, <http://www.asanet.org/galleries/default-file/Sept07STFeature.pdf>. В этой статье я предлагаю дополнить традиционную биографику биокритикой или биокритической герменевтикой, исследующей (рас)согласование вербальных, эмоциональных и поведенческих знаковых систем. Биокритическая герменевтика использует метод обратного редактирования, нацеленный на воплощенные значения, не вошедшие в официальный нарратив и указывающие на альтернативные возможности интерпретации.

Галин путь в социологию был непрямым. Математик по образованию, она вошла в социологическое сообщество как бы по воле случая. Приехав из провинциального города Таганрога, Галя сдала трудный экзамен на матемех и поступила в Ленинградский университет. Стипендия была маленькая, денег на жизнь не хватало, нужно было прирабатывать, а тут на глаза подвернулось объявление «о том, что социологической лаборатории философского факультета требуются студенты на кодировку данных опроса»,¹⁶ и она поступила на временную работу. Позже написала диплом у Ядова об «Использование математики в социологии». Пришло время распределяться, и опять судьба улыбнулась Гале: «[Ядов] пошел, насколько я понимаю, договариваться с ректором Данилычем (Александр Данилович Александров. — Б.Д.) — как оставить иногороднюю выпускницу матемеха в лаборатории. К моменту распределения я своей судьбы не знала, готова была поехать в Жуковский, Реутово, Калининград и прочее Подмосковье, куда отправлялись многие мои иногородние сокурсницы. На комиссии по распределению меня оставили «на потом» и в конце объявили, что распределена в Социологическую лабораторию с предоставлением места в общежитии».

В Гале чувствуется воля, решительность, готовность экспериментировать. Она мастер спорта по скалолазанию — спорт, требующий мужества, быстроты реакции. И наука, которую она для себя выбрала, — математика — это дисциплина, где вопросы обычно имеют определенные и однозначные ответы. Галин личностный стиль подходит к такой модели существования. О мире людей она судит с естественно научной категоричностью, при необходимости может «рубить правду матку». Но ее сотрудничество с социологами и гуманитариями сказывается на ее научных поисках. В гарвардском интервью она говорит: «А сейчас я вообще замахнулась на координаты социологического мышления, ни много ни мало. Вот знаю, что я буду ее [книжку] писать, слежу, отлавливаю. Борюсь со статистической парадигмой, как ни смешно, но считаю, что статистическая парадигма, то, что все человеки — болванки, равно одинаковые для социологии, я с [этой идеей хочу] побороться». На человека со стороны Галина твердость в суждениях может произвести впечатление безапелляционности, за которой скрывается неуверенность в себе: «Не знаю, я не найду, наверное, поклонников этой идеи... Я, конечно, не имею культурологического запаса теоретического». Здесь, возможно, присутствует и гендерная компонента, проявившаяся в Галином взгляде на социологов мужчин, которые предпочитали выживать по одиночке в лихие советские времена. В словах ее звучат сомнения по поводу российских мужчин в целом: «Наши мужчины — это особая проблема. [Мужчины] не чувствуют ответственности за семью, за детей. Это результат нашей семидесятилетней истории. Вся ответственность, с моей точки зрения, прописана на женщину. Я езжу на тренировку с дочкой в Кавголово... пока пасем детей, обсуждаем эти проблемы. Матерям страшно». Ее личный стиль хорошо прослеживается в следующем пассаже из гарвардского интервью:

«Я вообще человек решительный, или я берусь, или я не берусь. И вот я точно помню не конкретную ситуацию, а то, что я решала именно этот вопрос. Или братья, и тогда все посылают к черту, засучив рукава, ставить себя на кон и идти куда-то, или я просто занимаюсь своими делами... Вот анекдот Ядова, который он любит рассказывать, если вы знаете. Наняли мужика убить быка, заколоть там, семья попросила, заплатила. Вот он ушел в этот

16 Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии с человеческим лицом. См. ниже в этом же номере «Телескопа».

сарай, и стоит там шум, гам. Потом выходит. Его спрашивают: «Ну, все нормально?». А он: «Убить я его не убил, но напощадал!». Так вот, этот «напощадал» вариант меня не устраивал. Или иди, или не иди. У меня всегда были, ну не то, что крайности, но раз уж берешься, то идешь до конца... Просто «напощадать» — этот вариант меня не устраивал, где-то пошуметь, где-то повякать. Когда я пошла против нашего директора, я сидела полтора месяца, писала большую телегу, где я все подсчитала и поставила в строку этому директору. Потому что так вот вякнуть у как социолог считала недостаточным».

Если Галю можно характеризовать как «человека решительного», то Валерий — это «человек задумчивый». В дневнике Валерия есть короткая запись: «Моя радость и моя задумчивость».¹⁷ В задумчивости радость, в радости задумчивость. В юношеских стихах Валерия можно найти такие строфы:

*Все это здорово задумано,
Но что-то мы не так делаем.
И ходят юноши задумчивые,
Как будто не хватает детства им.*

Валерия не привлекает обычная тусовка. Он книжник. Ему хорошо наедине с собой, а если еще под рукой книга, он счастлив: «До университета я очень увлекался Толстым. В моей провинции я нашел в одной библиотеке 90-томное собрание и сканировал его по разным поводам». «И как жаль, что я не знал до сих пор совсем японской, китайской, арабской и др. вообще восточной поэзии!». «Он вообще мало выходил во двор, а потому был незаметным для дворовых ребят».¹⁸ «Главное — независимость. Исполнять задания, чтобы с этой стороны ни от кого не зависеть».¹⁹

Хобби Валерия под стать его натуре. Он любит чинить часы, выдвигать трубки, увлекается астрономией. Как и Спиноза, который на досуге шлифовал линзы, Валерий всерьез занимался оптикой.

Марат Бузский вспоминает друга: «Уже здесь обнаружили основные черты его личности — деликатность, бесконечная терпимость к другим мнениям или непониманию. У меня постоянно было впечатление, что он одновременно и «снаружи», и «внутри». Постоянно шла какая-то работа по продумыванию идей, предположений, осмыслению концепций. Но все это — по крайней мере в моем обществе — всегда было закрыто».²⁰

А вот свидетельство Ядова: «Он всегда оставался добрым, великодушным и щедрым другом, ничуть этого не подчеркивая своим поведением. Потому что это было свойством его натуры. И другое свойство — истинная интеллигентность, т.е. независимость мышления, отсутствие самоцензуры в годы, когда это встречалось не часто. Мы потеряли великодушного человека — Личность, влияние которого на каждого, кто с ним тесно сотрудничал или просто дружил, остается как часть нашего Я до конца жизни».²¹

Существенно то, что Валерий начинал свою интеллектуальную карьеру как поэт. Для человека с поэтическим складом характера форма выражения не менее важна, чем содержание; локальное — увязывается здесь с общим, универсальным: «Известно, что частное должно быть свернуто в общее, иначе общее пусто, вздорно. И в поиске без частного не только не обойтись, ибо оно след, свидетельство, окошко в жизнь, но в нем немалая часть

эмоций, реакций, живой плоти».²² Валерий все время прислушивается — к миру, к людям, к себе. Он знает, что вечная сиюминутность в любой момент может обернуться сиюминутной вечностью. Валерий не может обнаружить пришедшую в голову мысль, даже если она и ничего себе, вполне могла бы найти место на складе уважаемых профессиональных идей. Место мимолетной мысли в записной книжке, где ей еще предстоит отлежаться, дойти. Валерий ждет своего часа и знает, когда натолкнется на что-то действительно свое, когда нужно хвататься за перо и записывать, записывать, записывать. Олег Божков: «К сожалению, писал он медленно и трудно. Могло показаться (а многим именно так и казалось), что он просто ленив. Но скорее другое — Валерий жил очень напряженной интеллектуальной жизнью. Филолог по образованию (да и по сути) он очень ответственно и бережно относился к слову. Но не было собеседника лучше Валерия Голофаства».²³

Тут Олег подметил очень важное в личном стиле, в персональной герменевтике друга — его чувствительность к слову и талант общения. В профессиональной сфере Валерий больше всего ценит дружеский диалог, как, впрочем, многие его приятели из академических шарашек советских времен: «Со времен советской организации жизни место работы для человека — второй дом, место дружеских связей и атмосферы, освоенное до мелочей, в котором ценятся отношения по горизонтали. Потому, что это отношения солидарности, теплоты и сравнительной близости, снятия дистанции. Коллеги, товарищи по работе, коллектив — это был особый ресурс выживания в самых трудных ситуациях, в самых шекотливых обстоятельствах индивидуальной судьбы».²⁴ Диалогичность неформального общения амортизирует репрессивность советского бытия с его дискурсивной мегамашиной: ««Ты» должно проявить себя и быть прояснено не в меньшей мере, чем «я» для другого, чтобы диалог продолжался, обогащал друг друга. В противном случае в дело вступают посредники — власть, насилие, иерархия, деньги, превосходство и подчинение. И личные отношения аннигилируют, переходят в функциональную систему, становятся частью мегамашины».²⁵ Диалогическому миру человеческих отношений противостоит безликий мир официоза: «Безличности, равнодушия, голой функциональности и так хватает в окружающей общественной среде. Идет ли речь о контакте частного лица с общественным институтом или о регулярном или случайном собрании многих лиц под их эгидой — эффект, как правило, один и тот же. Любые общественные ритуалы и церемонии превратились в тягостное отбывание повинности, на них солируют представители власти или «официальные фигуры», неудержимый формализм и пустота таких собраний, их предсказуемая конечность и выхолащивание оставляет чувство глубокой душевной пустоты у всех участников».²⁶

Интерес Валерия к биографическим исследованиям и феноменологическому методу в последний период его жизни не случаен. Он знаменует возвращение к истокам, к поэтике сопричастности и сопереживания. Он же предвещает возможность синтеза социологического знания и литературного озарения. Его работы последних лет похожи на этюды, импровизации на заданную тему. Биографика способствует тому, поскольку требует чувствительности к месту и времени, связывает локальные процессы с глобаль-

17 Божков О. Эскиз портрета друга.

18 Бузский М. О Валерии Голофастве. См. в этом же номере журнала.

19 Докторов Б. Валерий Голофаств.

20 Бузский М. О Валерии Голофастве.

21 Ядов В. Валерий не скупился на разбрасывание идей. Памяти Валерия Борисовича Голофаства, http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm.

22 Запись в Дневнике от 1 января 2004 года. См. Докторов, Б. Валерий Голофаств, в этом номере.

23 Божков О. Эскиз портрета друга.

24 Голофаств В. Глобализация и место морали, http://www.pseudology.org/Golofast/Globalizatsiya_moral.htm.

25 Там же.

26 Там же.

ными контекстами, зафиксированными в памяти человека: «В памяти остаются следы локальностей, в которых жизнь текла, бурлила, била ключом или «по голове». Воспоминания об этом до сих пор живы, их невозможно отбросить как «мелочи», потому что жизнь — материальный и социальный процесс, который часто оценивается, приобретает важность, значительность только «задним числом», запечатленным очарованием и загадкой памяти»²⁷.

Загадка памяти — здесь есть над чем задуматься биографам Валерия.

1 ноября 2004 года, за месяц до смерти Валерий пишет Докторову: «А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей. А их не найти, особенно на предварительной стадии».²⁸ По Тынянову, фрагмент и афоризм — жанр наиболее созвучный романтической школе. В Валерии никогда не умирал поэт-романтик, хотя его воображение опосредовано философской рефлексией. Напряжение между этими двумя составляющими биографического воображения остается не разрешенным в творчестве Голофаства. По мнению Константина Кузьминского, конфликт между идиографическим и номотетическими началами в герменевтическом стиле Валерия восходит к истокам его творчества: «Стихи, с которыми он пришел, были — уже — написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность —

вот философичность-то, по-моему, Голофаства и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление».²⁹

А что если Валерий выбрал бы другой путь, остался поэтом, литератором, как он и собирался сделать? Или прожил еще десяток-другой лет, продолжая поиски синтеза социологического и поэтического в своих биографических штудиях?

Во всяком выборе профессии, как и в биографии в целом, есть элемент случайности. При соответствующем стечении обстоятельств, Валерий мог бы стать поэтом, литератором, филологом, философом. А мог бы стоять у станка или быть землепашцем. Но по какому бы департаменту он не числился, его личный стиль не мог быть случайностью. Даже если бы ему пришлось пахать землю, за ним осталась бы именно его борозда. Другое дело как быстро она зарастает бурьяном, катаевской травой забвения, как стремительно стирается след человека из коллективной памяти.

Есть что-то донкихотское в Биографическом фонде Валерия Голофаства и в его невадском продолжении, Международной биографической инициативе. Можно замедлить выпадение из исторической памяти индивидуальных биографий, но остановить этот процесс нельзя. Ну что ж, нам остается только выпить за успех нашего безнадежного дела.

27 Там же.

28 Докторов Б. Валерий Голофаств.

29 Там же.